

15-го Марта

№ 6.

1865 года.

I. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ И РАСПОРЯЖЕНІЯ
СВЯТѢЙШАГО СѢНОДА.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,

ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯДСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляя всѣмъ Нашимъ вѣрноподаннымъ, что любезнѣйшая Тетка Наша, Ея Величество, Королева-Родительница царствующаго Короля Нидерландскаго, Вдовствующая супруга Короля Вильгельма II, Анна Павловна, по волѣ Бога Всемогущаго, на семьдесятъ первомъ году отъ рожденія Своего, въ 17 день сего февраля, переселилась отъ сея временныя жизни въ вѣчную,—Мы увѣрены, что всѣ примутъ живѣйшее участіе въ печали, постигшей Императорскій Домъ Нашъ, и соединять теплыя молитвы свои съ Нашими о успокоеніи въ царствѣ праведныхъ души Ея, кроткой и добродѣтельной.

Данъ въ С.-Петербургѣ, февраля 18 дня, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ шестьдесятъ пятое, Царствованія же Нашего въ десятое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано :

«АЛЕКСАНДРЪ».

Святѣйшій Правительствующій Синодъ, при указѣ отъ 21 февраля за № 350, препроводивъ экземпляръ Высочайшаго Его Императорскаго Величества Манифеста о кончинѣ Ея Величества Благовѣрной Государыни, Вдовствующей Королевы Нидерландской, Анны Павловны, предписалъ, чтобы, по полученіи сего указа и предувѣдомленіи мѣстныхъ гражданскихъ начальствъ, отправлена была предъ литургією по преставльшейся Королевѣ Нидерландской Аннѣ Павловнѣ, паннихида: въ кафедральномъ соборѣ — самимъ преосвященнымъ, въ монастыряхъ — ихъ настоятелями, а въ прочихъ градскихъ и сельскихъ церквахъ — начальствующими духовными — соборнѣ, по чиноположенію церковному, и чтобы впредь поминовеніе по Ея Величествѣ совершаемо было чрезъ цѣлый годъ, — на ектеніяхъ же и во всѣхъ церковныхъ служеніяхъ имени Преставльшейся по общей формѣ не возносить.

— Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушалъ дѣло о дозволеніи протоіерею *Іакову Сури* производить въ Россіи сборъ подаяній на постройку въ г. Триполи церкви, съ другими необходимыми при ней зданіями. Изъ дѣла сего видно, что, 1) Высочайше утвержденнымъ въ іюль 1864 года опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода, дозволено было триполійскому митрополиту Софронію прислать въ Россію означеннаго протоіерея для годичнаго сбора подаяній на изъяс-

ненный предметъ. 2) На основаніи сего, протоіерей Сури прибылъ въ С.-Петербургъ, и 23 декабря 1864 года представилъ въ синодальную канцелярію выданный ему отъ русской миссіи въ Константинополь на проѣздъ въ Россію паспортъ. 3) Вслѣдствіе сего, по опредѣленію Святѣйшаго Синода

23	декабря	1864
4	января	1865

 г., упомянутому протоіерею выданы были изъ синодальной канцеляріи срокомъ на одинъ годъ, отъ 13 минувшаго января: а) за подписомъ оберъ-секретаря Павловскаго и скрѣпою секретаря Рѣзухина, съ приложеніемъ казенной печати, паспортъ за № 65 для свободного проживанія въ Россіи, и б) для вписыванія подаяній, шнуrowая книга за № 64, въ 90 листовъ, въ 4 долю обыкновеннаго листа, въ корешковомъ темнозеленомъ переплетѣ, за скрѣпою по листамъ того же секретаря Рѣзухина, съ надписью о разрѣшеніи сбора на первой и второй страницахъ, подписанною оберъ-секретаремъ Павловскимъ и скрѣпленною секретаремъ Рѣзухинымъ, съ приложеніемъ казенной печати подъ надписью на второй страницѣ и по концахъ шнура на послѣдней; затѣмъ, 4) господинъ синодальный оберъ-прокуроръ предложеніемъ довелъ до свѣдѣнія Святѣйшаго Синода, что протоіерей Сури, прибывъ, по его приглашенію, 15 истекшаго января въ канцелярію оберъ-прокурора, при входѣ въ пріемную оставилъ въ комнатѣ журналиста, на карнизѣ шкафа, завязанные въ платкѣ паспортъ и сборную книгу, выданные ему отъ Святѣйшаго Синода; но при выходѣ его изъ пріемной документовъ сихъ не оказалось, и что въ похищеніи оныхъ подозрѣвается неизвѣстный человѣкъ, который приходилъ въ то время въ канцелярію и назвалъ себя прислужникомъ одного изъ греческихъ архимандритовъ, и который успѣлъ скрыться прежде,

чѣмъ протоіерей Сури вышелъ изъ пріемной. Опредѣлили: триполійскому протоіерею Іакову Сури выдать изъ синодальной канцеляріи, вмѣсто похищенныхъ у него, новый годичный паспортъ для прѣживанія въ Россіи за подписомъ и скрѣпою другихъ лицъ, вмѣсто оберъ-секретаря Павловскаго и секретаря Рѣзухина, а для вписыванія добротныхъ подаяній на постройку въ г. Триполи церкви съ другими при ней необходимыми зданіями новую шнуровую книгу, также на одинъ годъ, съ другимъ числомъ листовъ въ иномъ форматѣ, за подписомъ разрѣшительной надписи и скрѣпою по листамъ другихъ лицъ, съ тѣмъ, чтобы онъ, протоіерей, производилъ сборъ на принятыхъ для сего въ духовномъ вѣдомствѣ основаніяхъ; для свѣдѣнія же о томъ и должнаго, въ чемъ слѣдуетъ, исполненія послать по духовному вѣдомству печатные указы; причемъ предписать епархіальнымъ преосвященнымъ, чтобы они, сдѣлавъ безотлагательное распоряженіе касательно припечатанія о покражѣ упомянутыхъ у протоіерея Сури документовъ въ мѣстныхъ епархіальныхъ и губернскихъ вѣдомостяхъ, предписали, сверхъ сего, подвѣдомому имъ духовенству о передачѣ гражданскому начальству того, кто явится съ похищенными у протоіерея Сури книгою и паспортомъ, выданными изъ синодальной канцеляріи 13 минувшаго января за № 64 и 65, за подписомъ оберъ-секретаря Павловскаго и скрѣпою секретаря Рѣзухина, а мѣстныхъ начальниковъ губерній просили предписать немедленно подвѣдомственнымъ имъ городскимъ и сельскимъ полиціямъ касательно задержанія тѣхъ лицъ, кои явятся въ губерніи съ такими документами.

II. РАСПОРЯЖЕНІЯ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА.

Города Николаева, Николаевской ц., діагонь *Іоаннъ Бузковъ* рукоположенъ во священника, и опредѣленъ на праздно священническое мѣсто, херсонскаго уѣзда, въ сел. Кисляковку, къ Преображенской ц.

— Города Одессы, Александринской, что при институтѣ, ц., діагонь, состоявшій на вакансіи дьячка, *Афанасій Короповскій*, переведенъ въ городъ Николаевъ, къ Николаевской ц.

— Избраны и утверждены въ должности церковныхъ старостъ на первое трехлѣтіе: овидіопольскій 2-й гильдіи купецъ *Инполитъ Бариковъ*, при овидіопольскомъ Николаевскомъ соборѣ; одесскій мѣщанинъ *Кодратъ Ничипоренко*, одесскаго уѣзда, мѣст. Еремѣвки, при Казанской Богоматери ц.; временно-обязанный крестьянинъ *Петръ Роспатые*, херсонскаго уѣзда, села Ивановки, при Предтечинской ц.; на второе трехлѣтіе: херсонскій мѣщанинъ *Симеонъ Найденко*, г. Херсона, при Николаевской ц.; очабовскій мѣщанинъ *Андрей Комаревъ*, одесскаго уѣзда, мѣст. Анчокрага, при Покровской ц.; дворянинъ *Василій Малоризъ*, одесскаго уѣзда, селенія Александродара, при Николаевской ц.; на четвертое трехлѣтіе: государственный крестьянинъ *Теодоръ Думька*, ананіевскаго уѣзда, села Перелѣтъ при Михайловской ц.; на двѣнадцатое трехлѣтіе: государственный крестьянинъ *Павелъ Гаращенко*, одесскаго уѣзда, селенія Яски, при Георгіевской ц.

— Вдова священническая жена, *Ирина Петрова*, опре-

дѣлена просфорнею, александрійскаго уѣзда, въ селеніе Знаменку, къ Знаменской ц.

— Временно-обязанному крестьянину херсонскаго уѣзда, деревни Михайловки, *Филиппу Сосонкѣ*, за побѣгомъ жены его Меланіи, дозволено вступить въ новое супружество съ безпрепятственнымъ лицомъ, а ей, Меланіи, если бы отыскана была или сама явилась, опредѣлено оставаться навсегда въ безбрачномъ состояніи.

Ш. ОБЪЯВЛЕНІЯ.

а) О перемѣнахъ по духовно-училищному вѣдомству.

Ректоръ херсонской семинаріи, архимандритъ *Теофилактѣ*, согласно его прошенію, уволенъ отъ преподаванія богословскихъ наукъ; профессоромъ богословія назначенъ священникъ одесской бладищенской ц., *Мартирій Чечмена*. — Священникъ *Николай Неводчиковъ* опредѣленъ инспекторомъ херсонской семинаріи.

б) О ПОЖЕРТВОВАНІЯХЪ.

Прихожане предмѣстья г. Херсона, Музыкиныхъ хуторовъ, Покровской ц., усердствуя о благолѣпіи храма Божія, сдѣлали слѣдующія пожертвованія: херсонскіе мѣщане — *Даниилъ Василенко* 50 руб.; *Симеонъ Юхименко* 25 р.; *Матрона Василенкова* 25 р.; *Андрей Сербинъ* 3 р.;

Волосова—мѣрницу, стоящую 8 руб.; бериславскій купецъ
Прокофій Добровъ кадильницу, стоящую 2 руб. 50 коп.

НАРОДНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ГРАМОТЪЙ

ВЫХОДИТЬ СЪ ОКТЯБРЯ МѢСЯЦА,

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Принять въ народныхъ школахъ и училищахъ. По разсмотрѣннн духовно-учебнымъ управленіемъ признано полезнымъ, чтобы изданіе это получалось не только въ церковно-приходскихъ и уѣздныхъ духовныхъ училищахъ, но даже и въ семинаріяхъ. О чемъ, съ разрѣшенія г. оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода, объявлено въ № 7 «Духовной Бесѣды».

Годовое изданіе состоитъ изъ шести книгъ, которыя выходятъ: въ *октябрь*, *декабрь*, *февраль*, *апрѣль*, *іюнь* и *августъ*.

Подписная цѣна съ пересылкою и приложеніями 2 руб. сер.

Въ текущемъ году мы дадимъ, для всеобщаго свѣдѣнія,

перечень нашихъ подписчиковъ по полкамъ и училищамъ
разныхъ вѣдомствъ.

Всѣ требованія адресуются въ С.-Петербургъ, въ Ре-
дакцію журнала «ГРАМОТѢЙ» или «НАРОДНОЙ ГАЗЕТЫ».

Редакторъ-издатель *И. Кушнеревъ.*

ГРАМОТѢЙ

ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ

Изданіе въ народныя школы и училища по
всѣмъ губерніямъ, уѣздамъ, волостямъ и
окладамъ, а также въ всѣхъ мѣстахъ,
гдѣ имѣются школы и училища. Цена
полтора рубля. Въ продажѣ въ
С.-Петербургѣ, въ редакціи «Грамотей»
и «Народной Газеты».

Годовое изданіе состоитъ изъ пяти книгъ, которыя
выходятъ въ октябрѣ, ноябрѣ, декабрѣ,
январѣ и февралѣ.

Подписная цена за полугодіе и
полгода 2 руб. сереб.

Въ каждомъ году въ редакціи «Грамотей» и «Народной Газеты»

СЛОВО

Высокопреосвященнѣйшаго Дмитрія, архіепископа херсонскаго и одесскаго, сказанное во вторую недѣлю св. четыредесятницы

Двѣ седмицы совершилось уже, какъ мы проходимъ поприще св. поста. Въ это немалое время можно ожидать немалого плода отъ постническихъ подвиговъ. И, — безъ сомнѣнія, — тѣ, которые провели это время, какъ требуютъ правила св. Церкви, могутъ сознавать въ себѣ немалое измѣненіе къ лучшему. Лишеніе болѣе пріятной и обильной пищи, въ началѣ непріятное и тягостное, безъ сомнѣнія, сдѣлалось, мало по-палу, не только легкимъ, а и пріятнымъ, произвело ощутительную легкость и бодрость тѣла, свѣжесть мысли, живость и дѣятельность всѣхъ силъ душевныхъ, пріятное ощущеніе внутренняго спокойствія и мира сердечнаго. Молитвенныя бдѣнія, въ началѣ казавшіяся столь трудными для разсѣяннаго ума, сдѣлались не только легкими, а усладительными для сердца и плодоносными для духа, проливая въ душу истиннаго постника благодатный свѣтъ и радость, жизнь и блаженство. Для проходящаго поприще св. поста съ истиннымъ желаніемъ своего спасенія все внѣшнее видимо теряетъ силу и власть надъ его душою,

которая болѣе сосредоточивается въ самой себѣ, болѣе любить уединенную бесѣду съ Богомъ и своею совѣстію. Что прежде занимало, увлекало и доставляло удовольствіе, то является неимѣющимъ никакой цѣны, теряетъ свою прелесть, дѣлается недостойнымъ вниманія, наконецъ — непріятнымъ и скучнымъ. Самыя страсти плотскія, не находя болѣе пищи ни въ тѣлѣ, укрощаемомъ постомъ, ни въ душѣ, сосредоточенной въ богомыслии и молитвѣ, укрощаются и замолкаютъ. Самыя неукротимыя, по видимому, страсти душевныя, — гнѣвъ и ярость, любочестіе и зависть, ненависть и вражда, — сръѣтившись съ духомъ покаянія и печали по Бозѣ, съ мыслию о смерти и судѣ Божиемъ, съ размышленіемъ о страданіяхъ Христовыхъ и о правдѣ Божіей, карающей всякій грѣхъ, — постыждаются и умолкаютъ. Совѣсть, избавившись отъ насильства страстей, пробудившись отъ дреманія въ суетѣ и сластехъ житейскихъ, просвѣтленная свѣтомъ слова Божія, умиленными молитвѣ и пѣснопѣніи церковныхъ, воспріемлетъ свойственную ей силу обличенія, вразумленія и влеченія отъ пропасти страстей на гору закона Божія, и отъ прелести грѣховной къ красотѣ добродѣтели и совершенства духовнаго. Вся душа усердно постыающегося и молящегося какъ бы просвѣтляется благодатнымъ свѣтомъ; яснѣе понимаетъ и себя и все окружающее, яснѣе прозрѣваетъ вѣрою и упованіемъ въ міръ духовный, свободнѣе владычествуетъ надъ своимъ тѣломъ и его потребностями, глубже чувствуетъ потребность высшаго сокровища, — умиротворенія совѣсти, благодатнаго мира и сопребыванія съ Богомъ.

Кто ощутилъ въ себѣ эти благодатные плоды пощенія: тотъ и безъ нашего напоминанія, конечно, не оставитъ постническихъ подвиговъ, — воздержанія, молитвы, колѣно-

преклоненій, посѣщенія храма Божія, назидательныхъ чтеній и богомысленныхъ размышленій; напротивъ, еще болѣе усилить свою ревность — совершить богоугодно и душеполезно весь путь св. сорокадвятиницы. Тому отъ лица Самого Господа дерзаемъ обѣщать, что въ концѣ поприща св. поста его ожидаетъ высшее, ни съ чѣмъ земнымъ несравнимое, утѣшеніе. Ибо все, что есть истинно отраднаго и утѣшительнаго для насъ въ настоящей жизни, заключено въ крестной смерти и воскресеніи Господа нашего Иисуса Христа. Предстоя кресту и гробу Господню, истинно вѣрующая и кающаяся душа чувствуетъ все величіе безпредѣльной любви Божіей къ намъ грѣшнымъ, сознаетъ всю цѣну и достоинство самой себя, для избавленія которой Самъ Единородный Сынъ Божій уничтожилъ Себя, — воплотился и принялъ образъ раба, потерпѣлъ тяжчайшія страданія и самую мучительную смерть; постигаетъ весь ужасъ вѣчнаго осужденія съ діаволомъ и вѣчнаго отверженія отъ Бога; чувствуетъ всю цѣну искупленія нашего кровію Христовою. Все это исполняетъ ее отраднымъ чувствомъ умиленія и благоговѣнія предъ величіемъ любви Божіей, оживляетъ утѣшительною надеждою на милосердіе Божіе и побуждаетъ излиться въ сладостныхъ слезахъ благодаренія Господу-Спасителю. Когда же настанетъ свѣтоносный день славнаго воскресенія Христова, когда св. Церковь призоветъ къ сорадованію съ собою и небо и землю, міръ видимый и невидимый, какой небесный восторгъ обыметъ ее, вознесетъ ее превыше всего земнаго, — туда, гдѣ невечерній день царствія Божія, гдѣ обрящутъ вѣчный покой и радость всѣ труждающіеся здѣсь во славу Божію и для спасенія души своей, гдѣ *отыметъ Господь всякую слезу отъ очію избранныхъ Своихъ и радость вѣчная надъ главою*

ихъ будетъ! Въ сей-то свѣтоносный день воскресенія Христова все труды ваши, подвизающіеся въ постѣ братія, принесутъ тотъ драгоценный и возделенный плодъ, котораго не вкушалъ и не вкуситъ никогда, кто проводитъ св. четырехдесятиницу не по уставу св. Церкви, а по прихотямъ и возделеніямъ своей плоти.

Быть можетъ, нѣкоторые, и подвизаясь въ постѣ, и принуждая себя къ исполненію молитвеннаго и постническаго правила, не видятъ однако-же утѣшительныхъ плодовъ своего подвига, ни мира и спокойствія духа, ни ослабленія насильства страстей своихъ, ни отрадной свободы души, а чувствуютъ, напротивъ, недовольство, тягость и скуку? Остерегитесь, братія, обвинять въ этомъ самый постъ и распоряженія св. Церкви; осмотритесь внимательнѣе: такъ-ли вы постились, какъ учить слово Божіе, и какъ заповѣдуетъ св. Церковь? Одинъ тѣлесный постъ и не можетъ принести ничего, кромѣ нѣкотораго ослабленія тѣла. Нуженъ постъ духовный, чтобъ получить духовные плоды поста. *Что, яко постихомся, и не увидѣлъ еси насъ?* говорили древніе Іудеи. Но Господь сказалъ имъ: *во дни бо пощеній вашихъ обрътаете воли ваша, и вся подручная ваша помните. Аще въ судьхъ и сварьхъ постигетесь, и біете пятми смиреннаго, вскую Милъ поститесь? Не таковаго поста Азъ избрахъ: но разрьшай всякъ союзъ неправды, разрушай обдолженія насильныхъ писаній, отпусти смиренныя въ свободу и всяко писаніе неправедное раздери. Раздробляй алчущимъ хлѣбъ твой и нищія безкровныя введи въ домъ твой: аще видиши нага, одѣй, и отъ свойственныхъ отъ племени твоего не презри. Тогда воззовеши, и Богъ услышитъ тя; тогда возсіятъ во тмѣ свѣтъ твой, и тма твоя будетъ яко*

полудне, и будетъ Богъ твой съ тобою присно. Тоже можно сказать и теперь всякому неискусному постнику. Ты удаляешь отъ себя запрещенную пищу? Удали, вмѣстѣ съ нею, и все, что возбуждаетъ и питаетъ душевныя страсти, — похоть злую и лихоиманіе, корыстолюбіе, любочестіе, зависть, гнѣвъ, осужденіе и превозношеніе. Ты не оскверняешь усть твоихъ пищею, сопряженною съ отъятіемъ жизни у существъ живущихъ? Не оскверняй-же ихъ ни празднословіемъ, ни осмѣяніемъ, ни кощунствомъ, ни осужденіемъ, ни облеветаніемъ, ни бранными и поносительными словами на ближняго. Ты просишь у Господа прощенія грѣховъ, умиротворенія совѣсти? Но простилъ ли самъ отъ всего сердца оскорбившему тебя? Отпустилъ ли долгъ неимущему чѣмъ воздать тебѣ? Разрѣшилъ ли отъ узъ заключеннаго въ темницу лихоимствомъ и любостыжательностію? Примирился ли искренно съ врагомъ твоимъ? Ты приходишь въ храмъ Божій? Не приноси-же съ собою ни плотскихъ и нечистыхъ помысловъ, ни праздныхъ мечтаній, ни душегубительныхъ вожденій и ощущеній сердечныхъ. Ты преклоняешь выю и колѣна предъ Богомъ? Прежде всего преклони и повергни въ прахъ предъ Нимъ свое самолюбіе и гордость, подклони злую волю свою Его всесвятой волѣ и закону, предай Ему сердце и всю душу твою. Ты ищешь успокоенія духу твоему и мира душевнаго? Успокой же и самъ бѣдствующаго и страждущаго брата своего, — напитай алчущаго, одѣй нагаго, введи въ домъ свой безпокровнаго, помоги болящему, утѣшь плачущаго, будь, подобно Іову, окомъ для слѣпыхъ и ногою для хромыхъ. Ты прекратилъ шумныя забавы и увеселенія свои? Но не замѣнилъ ли ихъ другими, — не столь шумными, но тѣмъ не менѣе душевредными, не менѣе питающими чувственность и страсти? Наполнилъ ли пустоту

празднаго времени поученіемъ въ словѣ Божіемъ и молитвою, дѣлами милосердія и человѣколюбія? «Постящеся, братіе, «тѣлеснѣ, постимся и духовнѣ — постомъ пріятнымъ, благогоднымъ Господеви: истинный постъ есть злыхъ отчужденіе, воздержаніе языка, ярости отложеніе, похотей отлученіе, оглаголанія, лжи и клятвопреступленія, сихъ «оскудѣніе постъ истинный есть и благопріятный».

Въ такомъ случаѣ, подумаетъ кто-либо, — для чего же нуженъ постъ тѣлесный, если существенно важень и необходимъ постъ духовный? Для того, возлюбленный, что безъ поста тѣлеснаго не можетъ быть и поста духовнаго. Въ настоящемъ, грѣховномъ состояніи человѣка, жизнь тѣлесная преобладаетъ въ немъ надъ жизнію духовною. И такіе люди, какъ св. Павелъ апостоль, чувствовали тяжело сіе неестественное преобладаніе плоти надъ духомъ: *соуслаждаюся закону Божію по внутреннему чловѣку*, говоритъ онъ: *вижду же инъ законъ во удѣхъ моихъ, противувоюющъ закону ума моего, и плпняющъ мя закономъ грѣховнымъ: окаяненъ азъ чловѣкъ, кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сея?* Посему и почитали необходимымъ смирать тѣло свое трудами и поработать его постомъ. Тѣмъ болѣе для нашего тѣла необходимо такое смиреніе и поработаніе, чѣмъ менѣе оно пріучено повиноваться духу, и чѣмъ болѣе привыкло къ сластолюбивой изнѣженности, ослабляющей и подавляющей духовныя потребности и силы. Не наше разсужденіе должно быть руководителемъ нашимъ въ томъ, что нужно и полезно намъ для спасенія души нашей, а примѣръ и заповѣдь Госнода Ісуса Христа. Чтобы показать намъ, какъ должно побѣждать свои страсти, покорять злую волю свою, преодолевать соблазны и искушенія, Онъ Самъ постилъ чотыредесять

дней и побѣдилъ искушителя, заповѣдавъ и намъ побѣждать его *молитвою и постомъ*. *Образъ дахъ вамъ*, говоритъ Онъ намъ: *да якоже Азъ сотворихъ, и вы творите*. Кто-же осмѣлился бы утверждать, что можно поступать иначе? Да и какъ побѣдилъ бы кто плотскія похоти, не отнявъ у нихъ силы, не исторгнувъ самаго корня ихъ — сластолюбія? Какъ покорить духа самолюбія и гордости, не смиривъ себя, не покоривъ воли своей въ послушаніе Христова — послушаніемъ св. Церкви Его? Какъ избавиться отъ духа любостыжанія, не привыкнуши отказывать себѣ ни въ чемъ, даже въ лишнемъ кускѣ пици? Въ лигѣ святыхъ Божіихъ мы видимъ только тѣхъ, которые, по примѣру св. апостоловъ, смиряли тѣло свое и поработали его духу постомъ и трудами, терпѣніемъ и молитвою, но ни одного изъ тѣхъ, которые пресыщались и веселились въ жизни своей. Таковымъ Самъ Господь Иисусъ Христосъ сказалъ: *горе вамъ, насыщенніи нынѣ, яко взалчете; горе вамъ смѣющимся нынѣ, яко възрыдаете и восплачетеся*.

Но для чего — скажешь — различіе пици? Не одноли и тоже — ѣсть то или другое? Нужно соблюдать только умѣренность и воздержаніе. Нужно, братъ, и различіе пици потому, что Самъ Господь положилъ въ ней различіе. Сотворивъ человѣка, Онъ далъ ему въ снѣдь плоды древесные и злакъ сельный. Ими и питались не только первые люди, но и ближайшіе ихъ потомки. Послѣ потопа, хотя и дозволено употреблять въ пищу плоть животныхъ, но и здѣсь Господь положилъ предѣлъ кровожадности падшаго чловѣчества, различивъ чистыхъ животныхъ отъ нечистыхъ, строго запретивъ употреблять плоть животныхъ съ кровію. Но св. четыредсяятница для того и установлена св. Церковію, чтобъ возвести насъ въ первое достойаніе. Ибо

чѣмъ начинается она? — воспоминаніемъ паденія Адамова. А чѣмъ оканчивается? спогребеніемъ и совоскресеніемъ нашимъ со Христомъ. Итакъ, если хотимъ истинно востать отъ паденія нашего, обновить въ себѣ образъ первозданнаго Адама, взойти на высоту первобытнаго состоянія нашего: то не должно ли намъ и въ самомъ питаніи тѣлесномъ уподобиться Адаму, питавшемуся плодами земными, а не плотію животныхъ? Если-же, по твоему, и та и другая пища одинакова: то изъ-за чегоже и прерѣкать и спорить? Не слѣдуетъ-ли безпрекословно подчиниться святой заповѣди, и вкушать то, что заповѣдано? Если необходимо воздержаніе, то покажи свое воздержаніе на самомъ дѣлѣ; откажись отъ той пищи, которая болѣе ласкаетъ твоему вкусу, удовольствуйся тою, которую назначаетъ тебѣ св. Церковь. Первый признакъ воздержанія есть покореніе своей воли, обузданіе своихъ прихотей, подчиненіе всей жизни своей закону Божію и водительству св. Церкви, коей ввѣрено спасеніе душъ нашихъ. Никакія самочинныя добродѣтели, никакія самовольныя жертвы не замѣнятъ первой и главной добродѣтели — покоренія воли своей повелѣнію Божію, послушанія св. Церкви Христовой, которую заповѣдалъ Онъ слушать, какъ Самаго Себя. *Еда угодны Господу всесоуженія и жертвы, якоже послушаніе гласа Господня? Се послушаніе паче жертвы благи, и покореніе паче тука овня. Яко-же грѣхъ есть чарованіе, тако противленіе, и якоже грѣхъ есть идолопоклоненіе, тако непокореніе.*

Не всякому, говорятъ еще, позволяетъ поститься его здоровье. Есть-ли дѣйствительно такое здоровье, которому вреденъ-бы былъ хлѣбъ и овощи, — самая главная, основная, такъ сказать, пища нашего тѣла, предназначенная ему

Богомъ; — это подлежитъ еще сомнѣнію: но то несомнѣнно и вѣрно, что всѣ болѣзни наши рождаются отъ невоздержанія и неумѣренности, отъ сложности, изысканности и разнообразія утучняющей пищи; что лучшее средство къ исцѣленію ихъ есть воздержаніе и постъ. Самою долговѣчною жизнію, а слѣдовательно и цвѣтущимъ здоровьемъ пользовались, братіе, жившіе до потопа патриархи, не употреблявшіе мясной пищи и не знавшіе вкуса вина. Жизнь чело-вѣческая сокращалась и сокращается по мѣрѣ того, какъ появилась и усиливалась роскошь и невоздержанія — первые враги нашего здравія. И неужели Господь Іисусъ Христосъ, пролившій кровь Свою за животъ міра, могъ заповѣдать намъ что-либо вредное для жизни? Не ужели св. Церковь, молящаяся непрестанно о здравіи и спасеніи всѣхъ, можетъ не желать намъ истиннаго здравія душевнаго и тѣлеснаго? *Живу Азъ, глаголетъ Господь, хотѣніемъ не хочу смерти грѣшника, но еже обратится и живу быти ему. Азъ придохъ да животъ и мутъ, и лишше и мутъ.* Кто же лучше Его можетъ сказать намъ, что истинно полезно для сохраненія нашей жизни, для укрѣпленія нашего здравія — тѣлеснаго и душевнаго?

Прочее же, брат. моя, стойте, держите преданія, живыхъ же басней и прекословій и суесловій уклонитесь. Имже научитесь и пріяте, сія творите, отъ всякія злыя вещи оубайтесе, да не лестію беззаконныхъ сведени бывше, отпадете своего утвержденія, но да растете во благодати Господа нашего Іисуса Христа. Аминь.

КЛИМЕНТЬ АЛЕКСАНДРІЙСКИЙ.

(Патрологическій очеркъ, — изъ классическихъ чтеній по Патрологіи *).

«Слаба въра безъ знанія, ничтожно знаніе безъ вѣры».

Климентъ : «*Stromata*».

Періодъ мужей апостольскихъ есть такое время въ исторіи христіанства, когда оно свидѣтельствовало о себѣ и защищало свою истину не столько словомъ и писаніями, сколько самую жизнь свою, подвигами и кровію своихъ исповѣдниковъ. Тагъ и быть должноствовало. Христіанство

---

*) За недоступностію другихъ пособій преподающій Патрологію имѣлъ подъ руками, для чтенія собственно о Климентѣ Александрійскомъ, только слѣдующія: 1) «*La Patrologie, ou Histoire littéraire des trois premiers siècles de l'Eglise Chrétienne*» — Мелера. Paris. 1843 г. 2) «*Die Kirche Christi und ihre Zeugen, oder die Kirchengeschichte in Biographien*» — Берингера. Zurich. 1842 г., и 3) «*Историческое ученіе объ отцахъ церкви*» — Филарета, архіеп. черниговскаго. Спб. 1859 г. — Онъ надѣется, по этому, что читатели извинятъ ему тѣ недостатки, какіе найдутъ въ его классическихъ занятіяхъ съ воспитанниками, и съ благодарностію воспользуется замѣчаніями каждаго изъ нихъ, болѣе знакомаго съ наукой и воспитаніемъ духовнаго юношества, если сказанные недостатки вызовутъ эти замѣчанія.

явилось въ міръ, какъ совершенно новая, невѣдомая чело-
вѣчеству жизнь. Необъятною полнотою своею и могучею ду-
ховною силой оно, какъ и естественно, могло только все-
цѣло покорять себѣ духъ человѣческій, не оставляя въ немъ
мѣста для его, такъ сказать, личной жизни, для его воз-
зрѣній, пытливости, изслѣдованій и проч.... Утомленный
напрасными изслѣдованіями по вопросамъ о жизни, парали-
зованный скепсисомъ и безнадежностію по всѣмъ отноше-
ніямъ своимъ — духъ человѣческой жаждаль забыть, такъ
сказать, себя самого, забыть свое мрачное прошедшее, чтобы
тѣмъ цѣлостнѣе и безпрепятственнѣе отдаться потокамъ но-
вой жизни, чтобы тѣмъ глубже и внутреннѣе прочувство-
вать сладость своего пакибытія. Въ христіанствѣ онъ удов-
летворяетъ этой многовѣковой жаждѣ жизни и, какъ бы
всецѣло сливаясь съ нимъ существомъ своимъ, не столько
постигаетъ его умомъ, сколько чувствуетъ сердцемъ. — Съ
другой стороны, — какъ религія, обнимающая весь духъ
человѣческій, всѣ области человѣческой жизни и вѣдѣнія,
христіанство, въ силу именно этой необыкновенной полноты
и всесторонности идей своихъ, не могло быть сразу же
обнято слабыми силами человѣческаго духа. Только посте-
пенно, мало по-малу и какъ бы по частямъ, оно могло от-
крывать себя человѣческому уму и быть претворяемо въ
плоть и кровь существа его — его сознаниемъ. А новый
необыкновенный свѣтъ христіанства, въ свою очередь, былъ,
такъ сказать, не по силамъ для слабыхъ очей человѣчес-
кихъ, и нужно было время, чтобы умъ человѣческій мало
по-малу приобыкъ къ этому свѣту... Вотъ почему ближай-
шіе ученики апостоловъ или мужи апостольскіе, жившіе,
такъ сказать, всею полнотою и жизнію христіанства внут-
реннею, не могли отвлекаться мысленно отъ этой необычайной

полноты и обилія новыхъ началъ жизни челоѣчества, не могли развивать ихъ въ формѣ строго-систематическихъ литературныхъ изложеній или изслѣдованій, въ формѣ и по приѣмамъ научнымъ вообще. Къ тому же: обстоятельства времени, духъ и силы грубаго язычества и іудейства, — эти враждебныя христіанству и Церкви стихіи міра, истощаясь въ преслѣдованіяхъ христіанъ и изливая ярость свою по преимуществу на пастырей ихъ, лишали ихъ всякой возможности защищать и отстаивать истину Христову силою ума и изложеніями научными, возможными только въ болѣе спокойное и благопріятное для Церкви время...

Но по той мѣрѣ, какъ истина Христова продолжала жить въ сердцахъ вѣрующихъ и озарять ихъ душу, а Церковь Христова начинала опредѣляться не только съ внѣшней, но и съ внутренней стороны, въ христіанствѣ развиваются мало по-малу стремленія формулировать или разрабатывать содержаніе и идеи вѣры по приѣмамъ науки. Такое направленіе серьезно даетъ себя чувствовать уже въ Іустинѣ мученикѣ, который, какъ извѣстно, представлялъ въ своемъ лицѣ столько же, если не больше, вѣдѣніе христіанскаго мудреца или философа, сколько и простую вѣру мужа и ученика апостольскаго; такое направленіе даетъ себя чувствовать и вообще въ христіанахъ этого времени усердно поспѣшающихъ даже въ языческую школу Аѳинъ и устрояющихъ собственныя училища и библіотеки въ Антиохіи, въ Едесѣ, въ Цезарей и проч ..., и, къ концу втораго вѣка, особенно рѣзко и энергично выступаетъ въ знаменитомъ училищѣ Александрійскомъ. Обстоятельства времени въ свою очередь вызывали это направленіе и, какъ нельзя сильнѣе, настаивали на немъ. Истощившись въ грубыхъ преслѣдованіяхъ христіанъ, убѣдившись двухъ-вѣко-

выми опытами, что христіанство, не смотря на всѣ видимыя лишенія его, не только не уменьшается въ числѣ своихъ послѣдователей, но еще болѣе и болѣе умножается ими и видимо завоевываетъ міръ, — язычество и іудейство видимо начинаютъ чувствовать и сознавать, что сила христіанства не въ фанатизмѣ его послѣдователей, а въ необычайной силѣ содержанія или идей его; почему и стараются уже дѣйствовать противъ него не столько мечами, кострами, пытками, и проч., сколько средствами литературными, аргументами философскими, историческими и вообще — научными; заботятся, первѣе всего, не о томъ, чтобы преслѣдовать христіанъ, а о томъ, чтобы парализировать въ общественномъ мнѣніи самое содержаніе или идеи христіанства. Съ этимъ чувствомъ и сознаниемъ язычниковъ мы встрѣчаемся еще раньше. Эклектическій эпикуреецъ Цельсъ, жившій еще во время Марка Аврелія, первый возстаетъ противъ христіанства со всею силою своей искусной и ловкой діалектики и, издавъ въ свѣтъ свое сочиненіе противъ него, названное сатирическимъ именемъ *«Истиннаго ученія»*, первый хочетъ парализировать его въ общественномъ мнѣніи. Начатое Цельсомъ не остается безъ продолженія. Изступленный Порфирій — гностикъ и жолчный Герокль — комикъ доводятъ до конца попытку Цельса, и въ то время, какъ первый силится парализировать основы христіанства, подрывая тѣ или другіе чудесные рассказы евангельскіе, — послѣдній силится парализировать эти основы, сравнивая вообще евангельскую исторію съ романомъ Филострата объ Аполлоніи Тіанскомъ... Бъ тому жъ: въ самыхъ нѣдрахъ Церкви, отъ времени до времени, во множествѣ появляются теперь лица, воспитанныя на языческой философіи и литературѣ вообще, — лица, которыя, не довольствуясь уже простою

вѣрою учениковъ апостольскихъ, усиливаются, каждый по своему, обнять и разъяснить себѣ содержаніе христіанства, и, смѣшивая идеи его — то съ вымыслами іудейства, то съ идеями языческой философіи, то съ религіозными преданіями и идеями ученій восточныхъ, выдаютъ свои мнѣнія за догмы и распространяютъ ихъ путемъ литературнымъ. Довольно вспомнить при этомъ о безчисленныхъ партіяхъ гностиковъ того времени и разнообразнѣйшихъ системахъ или ученіяхъ ихъ, надѣлавшихъ столько волненій въ Церкви и произведшихъ такія колебанія и нестроенія умовъ въ христіанствѣ...

Особенно сильнымъ и разнообразнымъ опасностямъ со стороны этихъ новыхъ враждебныхъ направленій подвергалась церковь Александрійская. Находясь на границѣ между востокомъ и западомъ — Александрія была центромъ, въ которомъ сосредоточивались всѣ интересы торговли, мореплаванія, и проч., — въ которомъ встрѣчались и сталкивались всѣ разнообразнѣйшія ученія и мнѣнія Востока и Запада. Въ этомъ *университетѣ* древности іудей Филонъ давно уже объединялъ Моисея и Платона; тутъ христіанство давно уже терпѣло отъ насилій іудействующихъ гностиковъ и законодательныхъ стремленій разныхъ другихъ религіозныхъ и философскихъ ученій. Нападенія, очевидно, были рѣшительны, и нужно было отражать ихъ дѣйствительною силой ума и знаній философскихъ, историческихъ и научныхъ вообще. Въ лицѣ Климента, Оригена и другихъ знаменитостей, училище Александрійское воспитало для Церкви и благовременно даровало ей тѣ могучія силы ума и науки, которыя, съ такою славою для христіанства, противопоставила она всѣмъ враждебнымъ ему направленіямъ и разрушительному духу времени вообще.

Выходя изъ понятія христіанства — какъ откровенія, и развивая идеи его въ формѣ строго-систематической или научной — Климентъ, а вслѣдъ же за нимъ, и Оригенъ, въ противоположность всѣмъ фальшивымъ направленіямъ науки и разрушительному духу времени вообще, поставляютъ себѣ задачею: указать и раскрыть въ содержаніи откровеннаго ученія начало законодательное — не только для тѣхъ или другихъ частныхъ воззрѣній ума, не только для тѣхъ или другихъ выводовъ или заключеній философскихъ, богословскихъ, и проч., — но и для знаній или науки вообще. Въ борьбѣ Климента противъ еретичествующихъ гностиковъ, также какъ и въ борьбѣ противъ нихъ Оригена, ученика его, особенно рѣзко выступаетъ эта полновѣсная задача его.

Чтобы легче, нагляднѣе и полнѣе усвоить намъ — во многихъ отношеніяхъ характеристичную систему литературныхъ воззрѣній и мыслей этого солиднаго христіанскаго мыслителя, предпошлемъ изложенію системы его самую краткую его біографію.

Титъ Флавій Климентъ, по прозванію — Александрійскій, родился, какъ думаютъ одни, въ Аѳинахъ, а какъ полагаютъ другіе, въ Александріи. Достовернѣе, кажется намъ, послѣднее мнѣніе. Прозваніе — *Александрійскій*, вся послѣдующая литературная, педагогическая и практическая дѣятельность, складъ религіозно-ученыхъ воззрѣній и убѣжденій, не смотря на видимую греческую отвлеченность ихъ, проникнутый и запечатлѣнный необыкновенною широтою и практичностью, также какъ строгое благочестіе и суровый характеръ Климента вообще — скорѣе обличаютъ въ немъ природнаго александрійца, чѣмъ гармонируютъ съ поэтическими наклонностями и одностороннею натурою грека вообще.

Родители Климента были, какъ извѣстно, язычники, и самъ онъ, по его собственному признанію, былъ первоначально воспитываемъ въ тѣхъ же языческихъ правилахъ. Нужно жалѣть, что древность почти не оставила намъ никакихъ положительныхъ свѣдѣній, относящихся къ исторіи его первоначальнаго развитія. Быть можетъ— многое изъ того, что, какъ особенно замѣчательное, знаемъ мы изъ послѣдующей исторіи Климента, находится въ прямой связи съ первоначальнымъ его развитіемъ и легко могло бы быть объясняемо имъ. Судя по сочиненіямъ Климента, полагаемъ, что еще въ ранней молодости онъ имѣлъ счастье получить серіозное научное воспитаніе. Отецъ его, какъ видно изъ замѣчаній его о своемъ язычествѣ, былъ человѣкъ очень состоятельный и не щадилъ средствъ, необходимыхъ для воспитанія сына. Климентъ, какъ видно изъ сочиненій его, обнималъ всю широкую область тогдашней еллинской и вообще языческой литературы и, кажется, былъ посвященъ во всѣ таинства греческихъ и вообще языческихъ мистерій. Но языческое образованіе, не смотря на всю серіозность его, не могло примирить Климента съ самимъ собой, и только христіанство было въ состояніи наполнить и успокоить глубокой и жадный къ знаніямъ духъ его. Неизвѣстно, когда именно обратился Климентъ ко Христу; но, судя по солидности первоначальнаго воспитанія, по глубокому и жадному къ занятіямъ уму Климента, можно полагать, что онъ сдѣлался христіаниномъ, будучи еще юношей. Внѣшнихъ обстоятельствъ обращенія Климента, которыя бы, подобно обстоятельствамъ обращенія Савла, сразу же преобразили духъ, — христіанская древность и исторія намъ не указываютъ. Съ достовѣрностію полагать можемъ, что его обращеніе было, первѣе всего, прямымъ результатомъ его духовнаго развитія и

глубокаго внутренняго убѣжденія въ необходимости божественнаго откровенія.

Вступленіемъ въ христіанство заканчивается первый — языческо-еллинскій періодъ жизни Климента, и знаменательность такого исхода понятна уже сама собою: обращеніе такого человѣка, какъ Климентъ, было весьма важнымъ приобрѣтеніемъ для Церкви Христовой. Предъ нимъ открыты были всѣ сокровища мудрости и тайны еллинства и язычества; онъ серьезно знакомъ былъ со всѣми современными и извѣстными дотолѣ системами разныхъ философій и религій древности. Христіанство, стало быть, могло имѣть въ Климентѣ одного изъ лучшихъ представителей своей науки и своего образованія.

Первымъ дѣломъ Климента, по обращеніи въ христіанство, было — основательнѣйшее и полнѣйшее изученіе христіанства. Онъ съ увлеченіемъ принимается за это дѣло, и не ограничиваетъ его одними только работами и созерцаніями кабинетными. По требованіямъ глубокаго ума своего и доброму направленію тогдашняго времени вообще — онъ все хотѣлъ провѣрить собственными наблюденіями, все хотѣлъ самъ видѣть, самъ слышать, самъ пережить. Поэтому онъ долго путешествуетъ по востоку и западу, посѣщаетъ Грецію, живетъ въ южной Италіи, въ Палестинѣ и Египтѣ. Страны эти, благословенныя самимъ положеніемъ и климатомъ своимъ, особенно привлекали къ себѣ Климента своими духовными прелестями и преимуществами. Всѣ онъ славились тогда знаменитыми и благочестивыми учителями христіанства, которыхъ такъ желалъ повидѣть и послушать Климентъ. Переходя отъ одного изъ этихъ учителей къ другому, онъ принималъ къ сердцу каждое слово ихъ, и считалъ себя вполне счастливымъ, что ему удавалось

находить «столь досточестныхъ мужей». Лучшее и важнѣйшее изъ сочиненій своихъ — «Stromata» онъ называетъ только «слабымъ образомъ и копіей тѣхъ свѣтлыхъ и полныхъ духа рѣчей, которыя удостоился онъ слышать отъ этихъ мужей». Называя всѣхъ ихъ учениками апостоловъ или учениками учениговъ апостольскихъ, онъ говоритъ, что всѣ они были «мужи, вѣрно хранившіе чистое апостольское преданіе и насаждавшіе въ сердцахъ учениговъ своихъ чистыя сѣмена спасительнаго апостольскаго ученія». Но особенно хвалить Климентъ одного между всѣми своими учителями. «Подобно сициліанской пчелѣ», говоритъ Климентъ, «собиралъ этотъ учитель благоуханные цвѣты съ роскошнаго луга апостольскихъ и пророческихъ писаній и наполнялъ души своихъ слушателей неподдѣльнымъ и благозвучнымъ словомъ вѣдѣнія».

Этотъ любимый учитель Климента былъ — знаменитый учитель александрійскаго огласительнаго училища Пантенъ, человѣкъ вообще, какъ извѣстно, имѣвшій сильное вліяніе на своихъ слушателей, и первый, въ преемственномъ ряду учителей училища, пользовавшійся особенною ихъ любовію и уваженіемъ. Подъ его вліяніемъ простыя катихизическія дотолѣ изложенія истинъ вѣры съ кафедръ училищной перешли, мало по-малу, въ ученныя изложенія христіанства вообще, и ученіе христіанское начало развиваться въ связи съ науками философскими, историческими, математическими и вообще гуманными. Какъ человѣкъ глубокаго ума и широкаго образованія, Пантенъ — первый между современными учителями христіанства оцѣнилъ, какъ слѣдуетъ, важность и значеніе систематическихъ или научныхъ знаній въ отношеніи къ христіанскому вѣдѣнію и, въ видахъ не одного только воспитанія и развитія христіанскаго юношества, но

главнымъ образомъ, въ видахъ привлеченія въ училище молодыхъ ученыхъ язычниковъ, приготовления и обращенія ихъ въ христіанство, также какъ и для воспитанія ученыхъ толкователей писанія и защитниковъ вѣры Христовой, вводитъ въ училище полные курсы разныхъ наукъ гуманитарныхъ и особенно — философскихъ. Преобразуя, такимъ образомъ, простое огласительное училище въ чисто богословско-образовательное учрежденіе, онъ первый полагаетъ основаніе тому примирительному отношенію между вѣроученіемъ и философіей, или тому внутреннему объединенію и живой органической связи между наукою христіанскою и вѣдѣніемъ человѣческимъ, которыя были основнымъ камнемъ громаднаго зданія христіанствующей мысли, воздвигнутаго, въ послѣдствіи, знаменитыми учениками и преемниками Пантена, въ главѣ коихъ стоитъ нашъ Климентъ. Подобное направленіе училища, соотвѣтствуя вообще ученой средѣ или требованіямъ общества александрійскаго, тѣмъ болѣе соотвѣтствовало требованіямъ и цѣлямъ жаждавшаго истинной мудрости и вѣдѣнія — духа Климентова и, какъ нельзя лучше, уясняетъ намъ то особенное уваженіе, какое встрѣчаемъ у Климента къ Пантену. Къ тому-жъ: судя по знакомому уже намъ нравственному характеру Климента, на него не могло не имѣть сильнаго вліянія и нравственное направленіе Пантена, какъ мужа строгаго христіанскаго благочестія и какъ человѣка, въ своихъ практическихъ воззрѣніяхъ склонявшагося по преимуществу на сторону стоицизма. А судя по глубокой и искренней любви Пантена къ истинѣ Христовой, которой онъ, по свидѣтельству Іеронима, служилъ всѣми силами своего духа и всѣми своими знаніями, можемъ быть увѣрены, что это былъ учитель, который дѣйствительно могъ привязать къ себѣ каждаго

изъ своихъ учениговъ, и особенно такого, какъ Климентъ....

По складу и эклектическому направленію многообъемлющаго ума своего, Климентъ, какъ и Пантенъ, не принадлежалъ въ особенности ни къ какой философской партіи, и вообще считалъ не согласнымъ съ духомъ христіанскаго вѣдѣнія и христіанства — предпочитать ту или другую между разными философскими системами, то или другое между различными направленіями науки. Но все то, что находилъ онъ добраго въ этихъ системахъ, все то, что признавалъ онъ полезнымъ въ этихъ направленіяхъ, — все это старался онъ претворять въ плоть и кровь своего философствующаго духа. Если же, какъ и слѣдуетъ, — судя по основаніямъ и внутреннему характеру всѣхъ современныхъ Клименту философскихъ и вообще научныхъ направленій, будемъ понимать всѣ эти направленія только какъ частныя проявленія двухъ главныхъ и дѣйствительно самостоятельныхъ тогдашнихъ направленій — стоицизма и платонизма; то къ чести же Климента должны будемъ сказать, что философія стоическая имѣла вліяніе на направленіе его практическое, тогда какъ платонизмъ, въ свою очередь, служилъ для него посредствующимъ звеномъ или переходной ступенью къ ученію христіанства спекулятивному. Образъ Климента гностика, который увидимъ впоследствии, дастъ намъ возможность судить о степени и силѣ вліяній на него со стороны стоицизма, а система философско-богословскихъ воззрѣній Климента укажетъ, въ свою очередь, степень и силу вліяній на него со стороны платонизма. Теперь замѣтимъ только, что эти разнородныя вліянія не повлекли за собою ни малѣйшаго внутренняго разлада или нестроенія, ни малѣйшаго колебанія въ мысляхъ: явленіе — столько же

естественное въ душѣ Климента, сколько рѣдкое и необыкновенное въ другихъ. Климентъ, какъ уже замѣтили мы, изъ всякой философской системы, изъ всякаго научнаго направленія старался извлекать для себя только доброе. «Подъ философией, говоритъ онъ, я не разумѣю ни ученія стоиковъ, ни ученія платониковъ, ни ученія эпикурейцевъ, ни ученія аристотеликовъ: подъ философией я разумѣю только то, что есть лучшаго въ каждой изъ философій, и что прямо относится къ оправданію и благочестію человѣка. Только это я называю въ собственномъ смыслѣ философией». Вотъ въ какомъ духѣ относился Климентъ къ философскимъ ученіямъ вообще, и между ними — къ стоицизму и платонизму въ частности. Равно признавая и стоицизмъ и платонизмъ, онъ признаетъ ихъ только въ той мѣрѣ, въ какой дѣйствительно извлекаетъ изъ нихъ начала добра, чистыя правила, свѣтлыя убѣжденія, которыя, подобно лучамъ свѣта, съ какой бы стороны ни отражались въ насъ, какими бы путями ни проникали въ душу, никогда не сходятся здѣсь для того, чтобы вести между собою борьбу или производить внутренней разладъ и нестроенія. Какъ истый электикъ — Климентъ извлекъ изъ этихъ направленій только лучшее, и это лучшее, очищенное или преобразованное христіанствомъ въ душѣ его, отдается въ немъ какимъ-то особенно гармоническимъ, свободнымъ и возвышеннымъ движеніемъ духа и полетомъ мысли.

Таковъ Климентъ во второй періодъ своей жизни. По всему видно, что онъ занятъ теперь одною задачею: объединить вѣру съ знаніемъ. Не принадлежа къ такимъ умамъ кои мѣняютъ свои убѣжденія по случайнымъ вліяніямъ и коихъ жизнь движется, поэтому, только въ противорѣчіяхъ и противоположностяхъ, Климентъ признаетъ, очевидно

чѣмъ-то особенно высокимъ для человѣка — отыскивать на днѣ, такъ сказать, видимыхъ противорѣчій глубокое внутреннее единство, и въ самой противоположности ихъ указывать серьезныя и знаменательныя точки сближенія. Таковъ Климентъ въ наукѣ.

Таковъ же онъ и въ жизни. Древность почти не сохранила никакихъ положительныхъ свѣдѣній о внутренней или духовно-нравственной жизни Климента, какъ христіанина; и это, думаемъ, отъ того, что Климентъ жилъ по преимуществу въ глубинѣ своего духа и не былъ расположенъ выходить изъ этой глубины для того, чтобъ показывать себя людямъ. Судя, однакожь, по христіански — нравственной системѣ его, можемъ быть увѣрены, что и жизнь его духовно-нравственная шла у него въ самомъ послѣдовательномъ движеніи отъ совершенства къ совершенству. Выразивъ содержаніе нравоучительной системы Климента въ самыхъ краткихъ словахъ, получимъ слѣдующій рядъ мыслей нашего нравоучителя. «Всѣ люди подчинены одному и тому же Слову или Сыну Божію; но не всѣ они одинаковымъ образомъ ведутъ себя по отношенію къ Нему; почему и само Слово не одинаковымъ образомъ относится къ нимъ. Одинъ изъ людей ведетъ себя по отношенію къ Слову, какъ рабъ непокорный, другой — какъ вѣрный слуга и приставникъ Его, третій — какъ другъ Слова и сынъ Божій. Поэтому и Слово — для непокорныхъ употребляетъ мѣры исправительной строгости; вѣрнымъ предлагаетъ благія обѣтованія и надежды, друзьямъ своимъ и истиннымъ сынамъ Божіимъ открываетъ сокровеннѣйшія тайны». Не ошибемся, если примемъ, что всѣ означенныя здѣсь степени нравственнаго совершенства христіанскаго пережилъ Климентъ въ своей собственной внутренней жизни, и что всѣ

онѣ, съ первой и до послѣдней, суть только послѣдовательныя фазы или движенія одной и той же цѣлостной, законченной внутренней исторіи духа Климентова, какъ духа христіанина.

Такимъ образомъ, къ концу 2 періода жизни своей, Климентъ, какъ можно видѣть, оказывается мужемъ столько зрѣлымъ, что можетъ уже проводить въ другихъ или дѣлиться съ другими тѣмъ, чего достигъ путемъ серіозной науки, и что испыталъ и пережилъ уже въ своей собственной, внутренней жизни.

Для плодovitаго духа Климентова не могло быть болѣе прямого соотвѣтственнаго круга дѣятельности, какъ ученое общество Александріи вообще и училища александрійскаго въ особенности. Климентъ не могъ не чувствовать этого и, какъ сейчасъ же увидимъ, давно уже лелѣялъ мысль и надежду — занять одну изъ ученыхъ должностей при христіанскомъ университетѣ ученой Александріи. Дальновидный Пантенъ цѣнилъ дарованія и силы геніальнаго ученика и, въ свою очередь, давно уже готовилъ Климента въ преемники себѣ по училищу. Время не замедлило, — и Климентъ, облеченный предварительно саномъ пресвитера, сначала, съ честью для училища и съ огромнымъ вліяніемъ на слушателей, помогалъ только своему знаменитому учителю, а потомъ, около 189 года, по случаю отправленія послѣдняго въ Индію для проповѣди, сдѣлался знаменитѣйшимъ ему преемникомъ. Теперь Климентъ чувствовалъ себя и дѣйствительно былъ, какъ нельзя больше, на своемъ мѣстѣ.

Должность огласителя училищнаго, сама по себѣ, не была какимъ-нибудь особенно важнымъ постомъ церковнымъ. Но она была важна по мѣсту, въ которомъ находилось училище — городу Александріи, она была важна въ силу

знаменитаго уже учителя — Пантена и учениковъ его; она была важна по направленію училища, научно — христіанскому; она была важна, наконецъ, по тому непреодолимому вліянію, какое производило училище не только на непосредственныхъ слушателей и современное общество, но и на развитіе генерацій отдаленнѣйшихъ.

Теперь, говоримъ, Климентъ былъ, какъ нельзя больше, на своемъ мѣстѣ; и съ этого времени начинается блестящая его дѣятельность, какъ учителя и писателя. Философія и разностороннія знанія научныя служатъ ему теперь лучшею формою, въ которую облачаетъ онъ содержаніе откровенной вѣры, и развитіемъ этого взгляда открываетъ онъ свои чтенія съ кафедры училища. «Апостолы и пророки, говоритъ онъ теперь, были просвѣщаемы и вразумляемы Духомъ Святымъ. Намъ остается только вѣрно понимать ихъ писанія; для чего, вмѣсто имъ однимъ свойственнаго вдохновенія, мы должны пользоваться научнымъ образованіемъ». Въ этомъ духѣ читалъ онъ свои лекціи. Язычники толпами стремились въ училище и, приходя сюда язычниками, выходили большею частію христіанами. Такъ сильно было слово Климентово; и понятна намъ необыкновенная сила слова его. Одной методою постоянно держался Климентъ: онъ предлагалъ слушателямъ все то, что признавалъ онъ лучшимъ въ философіи, и, очищая или преобразовывая это лучшее по требованіямъ христіанствующей мысли своей, постепенно, мало по-малу, наклонялъ ихъ къ христіанству. «Лучшее средство для обильной добрыми послѣдствіями побѣды надъ заблужденіями, проистекающими единственно изъ ложнаго направленія человѣческой природы, состоитъ, — говоритъ Климентъ, — въ признаніи за этою послѣдней нѣкоторыхъ правъ и справедливости, и въ соответственномъ тому

удовлетвореніи ея требованій». Въ своей педагогіи Климентъ, говоримъ, твердо держится этого основнаго правила. Выставляя предъ сознаніе слушателей только то, что есть лучшаго и дѣйствительно серіознаго въ ихъ воззрѣніяхъ, убѣжденіяхъ и проч., онъ тѣмъ самымъ яенѣе указываетъ имъ все ихъ дурное, фальшивое..., и, такимъ образомъ, поставляя самую совѣсть ихъ, какъ бы, на рѣзкихъ границахъ между внутреннимъ ихъ зломъ и добромъ, между свѣтомъ и тьмой, доводитъ ихъ до невольнаго признанія пустоты, лжи и обмана во всемъ томъ, что доселѣ питали и лелѣяли они въ сердцахъ своихъ, какъ добро, какъ прекрасное, какъ неприкосновенную святыню духа. Положительное ученіе христіанства, какъ прямо противоположное воззрѣніямъ своихъ слушателей, Климентъ вообще признавалъ для нихъ неудобопріемлемымъ, и потому излагалъ имъ то или другое положительное ученіе христіанства, тѣ или другія положительныя истины вѣры — не иначе, какъ предпосылая изложенію указанія на слѣды этихъ истинъ или на лучи свѣта ихъ, мерцающіе у тѣхъ или другихъ философовъ, поэтовъ и вообще въ культѣ язычества. «Какъ земледѣльцы, говоритъ онъ, только тогда ввѣряютъ сѣмена почвѣ, когда она орошена уже водою, такъ точно и мы: прежде всего мы орошаемъ сердца нашихъ учениковъ годною для того водою философіи, дабы они сдѣлались, такимъ образомъ, болѣе способными принимать ввѣряемая имъ сѣмена духовныя и, принимая ихъ, произращать изъ нихъ чистыя зерна и плоды». Такъ говоритъ Климентъ о методѣ своихъ чтеній съ кафедръ. По всему видно, что онъ весьма осторожно и разборчиво ведетъ свои чтенія. Неодинаковыя отношенія его къ слушателямъ, между которыми однихъ, «способнѣйшихъ» и болѣе наклонныхъ къ христіанству,

онъ старался, какъ видно, приближать къ себѣ и особенно заботливо руководствовалъ, тогда какъ другихъ — «недостойнѣйшихъ», для которыхъ, по словамъ его, «истина была бы тѣмъ же, чѣмъ бываетъ ножъ въ рукахъ дитяти», старался держать вдаль отъ себя. Эти неодинаковыя отношенія, какъ нельзя лучше, говорятъ о заботливой осторожности и осмотрительности Климента въ отношеніи къ своимъ слушателямъ. Такова, скажемъ еще, педагогическая система Климента — учителя.

Двѣнадцать съ половиною лѣтъ трудился Климентъ для истины Христовой въ училищѣ, пока въ 202-мъ году не настало страшное гоненіе императора Септимія Севера, начавшееся въ Антіохіи, распространившееся по Египту и достигшее, наконецъ, до Александріи. Гонитель отыскивалъ по преимуществу христіанскихъ учителей, и особенно тѣхъ изъ нихъ, кои пользовались популярностію не только у христіанъ, но и у язычниковъ. Климентъ больше, чѣмъ кто другой, подвергался опасности.

Климентъ имѣлъ высокій взглядъ на мученичество. Онъ называлъ его «полнымъ примиреніемъ и очищеніемъ отъ грѣховъ»; говорилъ о мученикахъ — какъ о такихъ жрецахъ, «которые своимъ жертвоприношеніемъ за одинъ разъ уничтожаютъ все тяжелое бремя пороковъ, проистекающихъ изъ вождельнѣй плоти».

Но не въ духѣ возрѣній Климентовыхъ было — подвергать себя явной опасности. Въ противоположность чрезмерной строгости или суровости монтанизма своего времени, безусловно осуждавшаго всякія укрывательства христіанъ отъ гонителей, Климентъ вѣрно понималъ слова Спасителя: *если гонятъ васъ въ одномъ городѣ, скрывайтесь въ другомъ*, — и указывалъ на то, что собственно имѣлъ Господь

въ виду, когда произносилъ эти слова, и подъ какими ограниченіями они должны быть понимаемы христіанами. «Самъ Господь, говорилъ онъ, заповѣдалъ намъ укрываться въ другомъ городѣ или мѣстѣ, когда преслѣдуютъ насъ въ одномъ. Не съ тѣмъ далъ Онъ эту заповѣдь, чтобъ научить насъ смотрѣть на гоненія, какъ на нѣкоторую особенную нечистоту для насъ; не съ тѣмъ, чтобъ мы избѣгали ихъ, потому что боимся смерти. Онъ хочетъ только, чтобы мы никому не помогали въ нечистомъ дѣлѣ, никому не указывали на удобныя къ тому средства, никому не подавали никакихъ къ тому поводовъ. И тѣ, кои не внемлютъ ему, тѣ своею непростительною безразсудностію подвергаютъ себя очевиднѣйшимъ бѣдамъ и опасностямъ. Если тотъ, кто убиваетъ другого, тяжело грѣшитъ противъ Бога; то не тягчайшій ли грѣхъ на душу свою беретъ тотъ, кто, возлагая руки на себя, хочетъ самъ быть судьбою и начальникомъ своей жизни и смерти. Къ тому-жъ: передавая себя въ руки гонителей, мы тѣмъ самимъ увеличили бы мѣру преступленій ихъ и были бы виновны и отвѣтственны въ этомъ предъ судомъ Божиимъ». Такого взгляда на мученичество держался Климентъ, и въ этомъ случаѣ былъ истиннымъ преемникомъ духа святаго Поликарпа епископа смирскаго, съ силой развивавшаго этотъ взглядъ въ своемъ посланіи къ Смирнянамъ.

Климентъ скрылся отъ гонителя. Неизвѣстно за достовѣрное — куда именно скрылся онъ. Но всего вѣроятнѣе полагать, что мѣстомъ убѣжища его была Каппадокія, гдѣ, въ городѣ Флавиадѣ, епископствовалъ тогда одинъ изъ прежнихъ учениковъ его — Александръ. Вскорѣ послѣ этого, когда Александръ, сперва какъ помощникъ, а потомъ и какъ преемникъ престарѣлаго Нарцисса, епископа Іерусалим-

скаго, переселился въ Іерусалимъ,—Климентъ, вмѣстѣ же съ нимъ или въ слѣдъ за нимъ, является въ Іерусалимъ, гдѣ, по свидѣтельству Александра, «укрѣпляетъ вѣру и церковь и открываетъ училище для христіанскихъ наставленій». Затѣмъ, уже въ 211 году, мы встрѣчаемъ Климента въ Антиохіи, куда онъ былъ отправленъ заключеннымъ уже въ темницу Александромъ съ поздравительнымъ и благожелательнымъ письмомъ къ тамошней церкви, по случаю избранія Асклепіада въ преемника Серапіону по епископству. Дальнѣйшая судьба Климента, къ сожалѣнію, вовсе неизвѣстна намъ. Говорятъ, будто онъ снова возвращался къ должностямъ по Александрійскому училищу, коимъ, во все время бѣгства его, управлялъ молодой Оригенъ, гдѣ, будто бы, и скончался около 217 года. Говорятъ также, что, однажды разставшись съ училищемъ, Климентъ никогда уже не возвращался къ нему и мирно скончался въ Іерусалимѣ.

(Продолженіе будетъ.)

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Христіанство въ Сванетіи. — Церковно-строительная дѣятельность въ могилевской губерніи.

По заявленію «Сѣверной почты» (№ 38), въ минувшемъ 1864 г., въ Сванетіи просвѣщены св. крещеніемъ общества ипарское, адигское и кальское, всего 314 душъ обоюго пола.

Въ № 40-мъ той же «Сѣверной почты», о церковно-строительной дѣятельности въ могилевской губерніи (по вѣдомству министерства внутреннихъ дѣлъ) сообщается:

«Разновременно появившіяся въ «Сѣверной почтѣ» и другихъ періодическихъ изданіяхъ отдѣльныя статьи о церковностроительномъ предпріятіи министерства внутреннихъ дѣлъ съ достаточною полнотою уяснили причины, вызвавшія правительство принять на себя заботы и расходы по устройству православныхъ храмовъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ западнаго края.

«Послѣ того, какъ, въ 1858 г., иновѣрные помѣщики западныхъ губерній освобождены были отъ обязанности поддерживать православныя церкви въ принадлежавшихъ имъ, на крѣпостномъ правѣ, имѣніяхъ, — и министерству внутреннихъ дѣлъ открытъ былъ кредитъ, первоначально въ 500,000 р.:

первое примѣненіе новой системы построекъ начато было въ могилевской губерніи, гдѣ распространявшаяся въ то время латинопольская пропаганда и другія мѣстные обстоятельства требовали немедленнаго осуществленія Высочайшей воли.

«Между тѣмъ, имѣвшіяся въ министерствѣ свѣдѣнія о церквахъ были далеко не полны. Извѣстно было только, что многія изъ нихъ крайне ветхи, что въ нѣкоторыхъ по 20 и болѣе лѣтъ не совершается богослуженія, и что почти всѣ онѣ носятъ на себѣ отпечатокъ бывшей въ западномъ краѣ униі. Причины такого неудовлетворительнаго положенія церкви не были никѣмъ разслѣдованы, и въ правительственныхъ сферахъ не придавали этому дѣлу большого значенія; даже нѣкоторыя лица вовсе отрицали дѣйствительность упадка церквей.

«Въ церковномъ отношеніи Бѣлоруссія и вообще весь западный край не только для русскаго общества и для свѣтскаго правительства были малоизвѣстны, но даже само мѣстное епархіальное начальство (какъ оказалось впоследствии) не знало ни общаго числа всѣхъ церквей, ни вѣрнаго числа прихожанъ, ни времени сооруженія многихъ храмовъ, ни принадлежности земли, на коей они сооружены. При недостаткѣ означенныхъ данныхъ, предстояло, одновременно съ осмотромъ всѣхъ церквей, ознакомиться съ бытомъ населенія, потребностями прихожанъ и съ мѣстными условіями края, дабы не впасть, при самомъ вчинаніи дѣла, въ неисправимыя ошибки. Министерство, желая облегчить начальнику губерніи, обремененному текущими дѣлами, возложенное на него, по Высочайшей волѣ, устройство церквей, признало необходимымъ командировать особыхъ довѣренныхъ лицъ, нравственные качества коихъ были ему вполне извѣстны.

Не говоря уже о томъ, что избранныя министерствомъ лица, для успѣшнаго исполненія возложеннаго на нихъ порученія, должны были осмотрѣть все захоlustя губерніи; имъ предстояла трудная задача направить дѣло такъ, чтобы церкви были возстановлены въ возможно лучшемъ видѣ, при возможно меньшихъ денежныхъ затратахъ. Эти два, почти несомѣстныя одно съ другимъ, требованія обуславливались, съ одной стороны, желаніемъ даровать сельскому населенію, сохранившему, при всѣхъ политическихъ невзгодахъ, свою вѣру и народность, такіе храмы, которые могли бы соперничать съ близлежащими костелами, и съ другой — опасеніемъ увеличить тяжесть повинностей прихожанъ (бывшихъ въ то время еще въ крѣпостной зависимости), прибавкою къ огромной цифрѣ недоимокъ, накопившихся съ давнихъ лѣтъ, значительныхъ денежныхъ авансовъ на устройство ихъ церквей, такъ какъ правительство, открывая кредитъ на постройки церквей, имѣло еще тогда въ виду желаніе возмѣстить эти деньги съ имѣній тѣхъ приходоу, гдѣ будутъ возобновляться храмы. Кромѣ того необходимо было имѣть тоже въ виду, что на прихожанахъ лежитъ обязанность поддерживать въ исправности ихъ церкви и на будущее время.

«Прежде всего обращено было вниманіе на церкви сгорѣвшія и на тѣ запечатанныя, гдѣ, за совершенною ветхостью строенія, прекращено было богослуженіе. Ихъ оказалось въ моголевской губерніи 35. Осмотръ этихъ храмовъ возбудилъ много новыхъ вопросовъ.

«Въ числѣ православныхъ церквей моголевской губерніи, какъ и всего западнаго края, есть не мало такихъ, которыя прежде были уніатскими. Нѣкоторыя изъ нихъ, строенныя не для духовныхъ нуждъ населенія, а изъ видовъ

религіозно-политическихъ, оказались, по возсоединеніи уніатовъ къ православію, излишними: такъ, на примѣръ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, при населеніи отъ 300 до 500 душъ, существовали по двѣ и по три приходскія церкви, и всѣ онѣ, за недостаткомъ ремонта, приходили въ упадокъ; оказалось тоже много и отдѣльныхъ малолюдныхъ приходо-
 довъ, которые съ удобствомъ могли бы быть причислены къ другимъ ближайшимъ, чего требовали, по видимому, собственныя выгоды прихожанъ и духовенства; между тѣмъ вопросъ объ упраздненіи приходо-
 въ встрѣтилъ почти повсемѣстно упорное затрудненіе, какъ со стороны духовенства, такъ и прихожанъ. Въ селеніяхъ, гдѣ, во время уніи, прихожане сохранили православіе и съ нимъ свои церкви, тамъ и теперь они желали сохранить самостоятельность своихъ церквей, не смотря на сознаваемый ими недостатокъ средствъ для поддержанія оныхъ; тамъ же, гдѣ прихожане просили о причисленіи ихъ другому приходу, въ видахъ облегченія ихъ повинностей въ пользу причтовъ и церкви, духовенство повсюду протестовало противъ упраздненія прихода, которое, по основному закону, находится въ зависимости отъ епархіальнаго начальства и отъ святѣйшаго синода. Привязанность народа къ роднымъ храмамъ вездѣ была уважена. Губернаторъ и чиновники министерства старались только склонить епархіальное начальство къ согласію на увеличеніе такихъ приходо-
 въ припискою къ нимъ изъ другихъ ближайшихъ и обширныхъ селъ большаго числа прихожанъ; тамъ же, гдѣ нельзя было достигнуть соглашенія между прихожанами и духовенствомъ, а выгоды первыхъ требовали упраздненія церкви, министерство, оставляя церковь безъ исправленія, предоставляло поддержаніе ея на обязанность духовнаго вѣдомства. Такимъ образомъ, духо-

венство подвигнуто было къ заботливости объ упраздненіи до 50 приходскихъ церквей, изъ числа которыхъ многія уже и упразднены, а о другихъ производится переписка.

«Приступая къ обновленію церквей въ могилевской губерніи, министерство имѣло въ виду предоставить возможно большее участіе въ этомъ дѣлѣ прихожанамъ: всѣ церкви не иначе были осматриваемы, какъ въ присутствіи ихъ; вездѣ ихъ спрашивали о желаніи принять на себя работы по исправленію, вездѣ приглашались прихожане, владѣльцы имѣній и мѣстное духовенство къ посильнымъ жертвамъ, и хотя въ первое время, съ 1859 по 1861 г., многіе заявляли желаніе оказать содѣйствіе правительству безмезднымъ трудомъ и денежными приношеніями; но съ явившимися, вслѣдствіе крестьянской реформы, новыми потребностями въ крестьянскомъ быту, они почти повсемѣстно отказались отъ своего обѣта, и только 7 церквей исправлены приходскими обществами, за уплату имъ смѣтной суммы. Многіе, даже богатые, помѣщики отказались отъ прежде заявленныхъ и вещественныхъ жертвъ; одно только епархіальное начальство, зная въ подробности всѣ дѣйствія лицъ, руководящихъ дѣломъ, и крайнюю ограниченность смѣтъ на церковныя постройки, не смотря на бѣдность сельскихъ церквей, удѣлило изъ кошельговой ихъ суммы до 30,000 р. на устройство ветхихъ храмовъ.

«Такимъ образомъ, съ 1859 по 1862 годъ, осмотрѣны всѣ 473 храма, находящіеся въ помѣщичьихъ имѣніяхъ могилевской губерніи. Изъ нихъ 314 предназначено къ возобновленію: новыхъ каменныхъ 18, деревянныхъ 75, и къ капитальному исправленію: 21 каменный и 200 деревянныхъ.

«По окончаніи всѣхъ подготовительныхъ работъ, по рассмотрѣніи и утвержденіи министерствомъ чертежей и смѣтъ на новыя церкви, всѣ дальнѣйшія распоряженія, на точномъ основаніи Высочайшей воли, перешли на обязанность губернатора, въ вѣдѣніе коего и были ассигнованы исчисленныя по смѣтамъ суммы. Чтобы не стѣснять дѣйствій начальника губерніи и не замедлить дѣломъ построекъ, ему предоставлено было употребить, по собственному усмотрѣнію, тотъ способъ, какой по мѣстнымъ соображеніямъ окажется болѣе выгоднымъ,—и такъ какъ при крѣпостномъ правѣ немислимо было производить постройки посредствомъ мѣстныхъ приходскихъ обществъ, то министерство разрѣшило вызовъ артелей изъ великороссійскихъ губерній и приглашеніе извѣстныхъ начальнику губерніи надежныхъ строителей, съ дозволеніемъ—не требовать съ нихъ особыхъ залоговъ, ограничивая выдачу денегъ за поставленные лишь матеріалы и за произведенныя работы. Для избѣжанія излишнихъ формальностей, такъ много вредящихъ практическому успѣху каждаго дѣла, разрѣшено тоже было губернатору, въ незначительныхъ случаяхъ, гдѣ отъ сложности труда и поспѣшности лицъ, осматривавшихъ церкви, могли вкрасться ошибки и недосмотры въ исчисленіяхъ, не стѣсняться цифрами смѣтъ, имѣя въ виду лишь прочность и благовидность храмовъ, и не выходя однаго изъ предѣловъ общей смѣтной цифры; и только тамъ, гдѣ требовалось совершенное измѣненіе проектовъ, министерство предоставило себѣ разрѣшеніе отступленій. Для вознагражденія архитекторовъ и техниковъ за ихъ труды, былъ впервые принятъ процентный съ ними расчетъ, предоставленіемъ имъ до 3% смѣтной суммы за произведенныя работы,—способъ, удавшійся

вполнѣ и принятый, въ настоящее время, при всѣхъ почти казенныхъ постройкахъ другихъ вѣдомствъ.

«Не смотря однакожъ на всѣ эти облегченія, много было помѣхъ въ осуществленіи намѣренія правительства. Значительные пожары, бывшіе въ это время въ городахъ моголевской губерніи, постройки, производимыя другими вѣдомствами, и громадность работъ по сооруженію церквей на пространствѣ всей территоріи бѣлорусскаго края возвысили неимоვნю цѣны на строительные матеріалы и на рабочихъ, чрезъ что можно было опасаться или совершеннаго пріостановленія построекъ, или необходимости передать ихъ въ руки евреевъ, что неминуемо произвело бы самое невыгодное впечатлѣніе на русское населеніе губерніи. Освобожденіе крестьянъ изъ крѣпостной зависимости и временная нужда мѣстныхъ помѣщиковъ въ деньгахъ помогли церковному дѣлу выйдти изъ этого затруднительнаго положенія. Располагая строевыми лѣсами, принесившими имъ ничтожный доходъ, помѣщики предложили свои услуги въ дѣлѣ церковныхъ построекъ, и, при убѣжденіяхъ губернатора, при отсутствіи лишнихъ формальностей и при разныхъ льготахъ, допущенныхъ министерствомъ для подрядчиковъ, они согласились даже на значительныя уступки противъ смѣтныхъ цѣнъ. Такимъ образомъ, хотя постройка православныхъ церквей была и несовмѣстна съ религіозными и политическими мыслями дворянъ, считающихъ себя поляками, но матеріальныя выгоды взяли верхъ, и на этотъ разъ, надъ вѣковыми предубѣжденіями; мѣстная же администрація, благодаря энергіи и особенной горячей преданности этому дѣлу начальника губерніи, употребила всѣ средства для огражденія исправнаго производства принятыхъ

помѣщиками работъ, и, не смотря на то, что до 40 подрядчиковъ оказались несостоятельными, дѣло не остановилось: немедленно явились на мѣсто несостоятельныхъ новыя, болѣе надежныя лица, докончившія постройки безъ убытка для правительства. Даже вспыхнувшее въ западномъ краѣ возстаніе и мѣстные по губерніи безпорядки не произвели особой остановки въ церковностроительномъ дѣлѣ. Только въ пяти селеніяхъ, вслѣдствіе ареста, по прикосновенности къ мятежу, помѣщиковъ, взявшихъ на себя постройку, представилась необходимость принять особыя мѣры. Немало затрудненій оказалось и при устройствѣ иконостасовъ. Отсутствие хорошихъ мѣстныхъ иконописцевъ, ограниченность смѣтныхъ исчисленій, отказъ подрядчиковъ принять на себя иконостасныя работы заставили обратиться въ Петербургъ, гдѣ, благодаря добросовѣстному выполненію заказа, 66 сельскихъ церквей украсились иконами весьма удовлетворительной живописи.

«Независимо отъ этого, министерство при первомъ осмотрѣ церквей могилевской губерніи, узнавъ нужды ихъ въ богослужебныхъ принадлежностяхъ и книгахъ, открыло частную подписку для добровольныхъ приношеній. По благочестивому примѣру Ихъ Величествъ и Августѣйшихъ Членовъ Императорскаго Дома, высокопреосвященные митрополиты Филаретъ и Григорій и частныя лица обѣихъ столицъ отозвались съ полнымъ сочувствіемъ къ этимъ нуждамъ. Въ короткое время 209 храмовъ могилевской губерніи, безъ всякихъ денежныхъ затратъ казны, были надѣлены всѣми необходимыми предметами для богослуженія, въ числѣ которыхъ поступило не малое количество весьма цѣнныхъ вкладовъ.

«Такимъ образомъ, начатое въ 1859 году дѣло постройки православныхъ храмовъ могилевской губерніи, въ теченіи шести лѣтъ, при многихъ для него неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, доведено до слѣдующихъ результатовъ. Изъ всего количества—314, предназначенныхъ къ обновленію церквей:

«а) Построено и передано въ духовное вѣдомство—новыхъ: каменныхъ 9, деревянныхъ 63; капитально исправленныхъ: каменныхъ 16, деревянныхъ 161. Всего 249.

«б) Окончено, но еще не передано въ духовное вѣдомство: новыхъ 2 каменныхъ, 9 деревянныхъ и 31 капитально исправленныхъ; всего 42.

«в) Производятся работы (которыя будутъ окончены въ текущемъ году) по 10 новымъ и 4 починяемымъ храмамъ, всего 14. Затѣмъ починка остальныхъ 9 церквей приостановлена по разнымъ мѣстнымъ обстоятельствамъ.

«На всю церковностроительную операцію могилевской губерніи ассигновано правительствомъ безвозвратно 711,303 руб. 7³/₄ коп.

«Средняя стоимость каждой возобновляемой церкви обошлась въ 2,265 р. *).

Итакъ, забота, предстоявшая министерству внутреннихъ дѣлъ объ устройствѣ православныхъ церквей въ помѣщичьихъ имѣніяхъ могилевской губерніи, приближается къ концу: всѣ храмы этой губерніи будутъ въ весьма непродолжительномъ времени возобновлены, снабжены необходи-

---

*) Цифра эта должна еще уменьшиться отъ сбереженій, сдѣланныхъ начальникомъ губерніи, которыя въ настоящее время не приняты въ расчетъ, по неокончанію всѣхъ смѣтныхъ работъ.

мыми богослужебными предметами и сданы въ духовное вѣдомство. Остается разрѣшить только возбужденный уже вопросъ о приличномъ содержаніи ихъ на будущее время, чтобы не могли повториться тѣ безпорядки, какіе замѣчались при бывшемъ осмотрѣ церквей.

Кромѣ желаемаго благолѣпія церквей господствующей въ Имперіи вѣры, отъ правильнаго разрѣшенія этого вопроса будетъ отчасти зависѣть сохраненіе и прочное водвореніе въ моголевской губерніи ея исконныхъ русскихъ началъ».

Св. Іосифъ Пѣснописецъ *).

Въ четвертый день апрѣля св. Церковь ежегодно прославляетъ между прочими угодниками и память преподобнаго отца нашего Іосифа Пѣснописца.

Угодникъ Божій, преподобный Іосифъ Пѣснописецъ былъ уроженецъ острова Сициліи, сынъ родителей Плотина и Агаѳи. Послѣ того, какъ родной его островъ разоренъ былъ варварійскими народами, обитавшими по сѣверному берегу Африки, — св. Іосифъ оставилъ свое отечество и удалился въ Грецію. Въ македонскомъ городѣ Фессалонибахъ — иначе Солуни — онъ принялъ иноческій чинъ въ Спасовой обители, называвшейся *Λατόμος*, т. е. каменоломщикъ; въ этой обители онъ посвященъ былъ въ санъ пресвитера. Спустя нѣсколько времени, пресвитеръ Іосифъ прибылъ въ Константинополь и на долгое время поселился въ тамошней обители святыхъ мучениковъ Сергія и Вахха, пострадавшихъ при Максиміанѣ въ 296 г.

---

*) Чет. Миней 4 апр. Жизнь св. Іосифа, написанная его другомъ Іоанномъ, діакономъ великія Константинопольскія церкви. Балландисты напечатали это жизнеописаніе съ примѣчаніями въ 1-мъ т. своего изданія.

Послѣ того, какъ императоръ Левъ Армянинъ (813—820) *) объявилъ гоненіе на св. иконы, св. Іосифъ, избѣгая угрожающей ему опасности, отправился въ Римъ; но на пути взятъ былъ въ плѣнъ Сарацинами и отведенъ на островъ Критъ, гдѣ долгое время томился въ мрачномъ и смрадномъ узилищѣ. Находясь въ этомъ безутѣшномъ состояніи, преп. Іосифъ единственную отраду находилъ въ молитвахъ.

Надежда на милосердіе Божіе и предстательство о св. узникѣ архипастыря муръ-ликійскія церкви, св. Николая Чудотворца, коему преподобный узникъ возсылалъ свои теплыя молитвы, доставили свободу св. Іосифу. По возвращеніи въ Константинополь, св. Пѣснописецъ старался стяжать, какъ можно болѣе, останковъ угольниковъ Божіихъ и вскорѣ съ сею святынею, удалившись въ Фессалію, основалъ церковь въ одномъ изъ самыхъ уединенныхъ мѣстъ этой области. Въ этомъ уединеніи св. Іосифъ составилъ большую

*) Императоръ Левъ 5-й былъ родомъ изъ Арменіи, почему и названъ Армяниномъ; за свою храбрость, онъ былъ сдѣланъ главнымъ начальникомъ надъ войсками имперіи; но когда онъ обвиненъ былъ въ измѣнѣ, императоръ Никифоръ 1-й (802—811), послѣ наказанія Льва бичами, заключилъ его въ монастырь; императоръ Михаилъ 1-й Куропаладь, по прозванію Рангабъ (811—813), вызвалъ Льва изъ заточенія и ввѣрилъ снова ему начальство надъ войсками. Армія провозгласила Льва императоромъ, и Михаилъ объявленъ былъ лишеннымъ престола въ 813 г. Въ слѣдующіе годы Левъ одержалъ знаменитыя побѣды надъ болгарами и въ 817 году заключилъ съ ними тридцатилѣтнее перемиріе. При этомъ историки передаютъ намъ, что Левъ клялся выполнять условія сего договора призываніемъ языческихъ боговъ, а болгарскій князь — язычникъ клялся именемъ Бога христіанскаго. Жестокость Льва относительно своихъ родныхъ, кровавое преслѣдованіе почитателей святыхъ изображеній омрачили славу сего императора и ускорили его смерть. Онъ убитъ былъ въ ночь на Рожд. Христова 820 года.

часть своихъ вдохновенныхъ пѣснопѣній въ честь и славу Божию и прославленныхъ имъ святыхъ.

Твердость, съ которою преподобный Іосифъ защищалъ чествованіе св. иконъ, подвергла его преслѣдованію со стороны иконоборцевъ. Вслѣдствіе происковъ сихъ ревнителей нечестія, препод. Іосифъ заточень былъ въ ссылку въ Херсонесъ таврической, по повѣлѣнію императора Теофила Иконоборца (829 — 842) *). По смерти сего врага православія, св. Іосифъ возвращень былъ въ Константинополь и при патриархѣ св. Игнатіи сдѣланъ былъ сосудохранителемъ (σχευοφύλαξ) великія Константинопольскія церкви; въ этомъ чинѣ онъ представился ко Господу, около 883 г.

Св. Церковь, въ 26 день января, ублажаетъ память другого творца свящ. пѣснопѣній, тоже по имени Іосифа. Это былъ родной братъ преп. Теодора Студита, саномъ архіепископъ Фессалоникійскій. Въ четіи — Минеи въ 4-й день апрѣля предложенъ способъ узнавать, какія именно богослужебныя пѣснопѣнія принадлежатъ святителю Фессалоникійскія церкви и какія — преподобному Іосифу, сосудохранителю великія церкви.

Оканчивая жизнеописаніе преп. Іосифа, составитель четіихъ Минеи — святой Димитрій Ростовскій дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: вѣдати и сіе подобаетъ, яко два во святыхъ обрѣтаются Іосифа пѣснописца. Первый Іосифъ,

---

*) Императоръ Теофилъ вступилъ на престолъ 825 г., послѣ отца своего Михаила Заики, успѣвшаго передать сыну своему ту же самую ненависть къ святымъ иконамъ и ихъ почитателямъ, какою самъ дышалъ. По словамъ нѣкоторыхъ историковъ, Теофилъ отвергалъ не только иконопочитаніе, но и отличался особеннымъ невѣріемъ: не признавалъ бытія духовнаго міра, отвергалъ воскресеніе мертвыхъ, и кромѣ того пролилъ много невинной крови своихъ подданныхъ за ихъ ревность къ православію.

братъ родный преподобнаго Феодора Студита, епископъ Солунскій, его же память іануарія 26. Другій же Іосифъ сей преподобный, сосудохранитель великія церкви бывшій, а творенныя ими каноны познаются сице: идѣже въ началѣ канона написано: твореніе куръ Іосифа, разумѣй быти перваго Іосифа, св. брата Студитова, епископа солунскаго: то бо слово *куръ* знаменіемъ есть великаго сана и власти, якоже епископства. А идѣже написано просто, безъ приложенія *куръ*, твореніе Іосифово: разумѣй быти сего втораго Іосифа преподобнаго, иже не бѣ епископъ, но точію іеромонахъ, игумень и сосудохранитель великія Константинопольскія церкви *).

О великомъ достоинствѣ, духѣ и силѣ свящ. пѣснопѣнній преподобнаго отца нашего Іосифа, жизнеописатель сего угодника Божія, діаконъ — Іоаннъ говоритъ такъ: «когда онъ сталъ писать стихи: то и слухъ услаждалъ чудно пріятностію звука и поражалъ сердца силою мыслей. Какого рода музыки нѣтъ у него? какаѣ сладость стиха не исторгается изъ устъ его? Сонъ и лѣность бѣгутъ отъ людей лѣнливыхъ, когда начинаютъ они не слухъ только, но и душу услаждать пѣніемъ. Чудное находятъ отдохновеніе здѣсь и тѣ, которые стремятся къ жизни совершенной; возмущаемые, какъ волнами, сердечными движеніями укрощаютъ въ себѣ смятеніе, когда слушаютъ ихъ; а радующіеся начинаютъ плакать отъ полноты радости и восторга. Писатели, оставивъ стихотворенія другія, изъ сей одной сокровищницы — изъ писаній Іосифа стали почерпать сокровища для своихъ пѣсней, или лучше — ежедневно черпаютъ. Наконецъ всѣ народы переводятъ ихъ на свой языкъ, дабы

*) См. Simon Wagnereck, Proleg. ad Marianam Graecorum pietatem, p. 22. de duobus ss. Josephis, utroque hymnographo.

просвѣщать пѣснями тьму ночи и, прогоняя сонъ, продолжать бдѣнія до восхода лучей солнечныхъ. Да и кто столько нечувствителенъ будетъ, чтобы, читая сладкія, восхитительныя пѣсни Дѣвъ Богородицъ, не поразился до глубины души и не сталъ скорбѣть и оплакивать грѣховъ своихъ. Но что говорю я о разнообразіи и гармоніи стиховъ? Зачѣмъ распространяюсь о пріятности и сладости, которыми, какъ благовонными ароматами, благоухаютъ поэмы Іосифа? Если кто прочтетъ жизнь святого, празднуемаго въ какой-либо день Церковію; тотъ самъ увидитъ достоинство пѣсней Іосифа и узнаетъ жизнь прославляемаго. Подлинно, тогда, какъ жизнь и дѣла почти каждаго святого украшены хвалами, не достоенъ ли безсмертной славы тотъ, кто такъ достойно и прекрасно умѣлъ прославить ихъ! Пусть славятъ иные святыя кротость его, другіе мудрость, третьи дѣла его, и всё купно да славятъ благодать Святаго Духа, которая такъ щедро и безпримѣрно обогатила его своими дарами» *).

Въ книгѣ: «Историческій обзоръ пѣснопѣвцевъ и пѣснопѣнія греческой церкви» — сдѣлано слѣдующее замѣчаніе: Теофанъ, ученикъ Іосифовъ, замѣчаетъ, что преподобный, просвѣщенный благодатію, такъ легко и скоро составлялъ св. пѣсни, что казалось, будто онъ не сочиняетъ, а только припоминаетъ старое; и далѣе: каноны преподобнаго исполнены самаго глубокаго сокрушенія о грѣхахъ и одушевлены чувствомъ твердой надежды на Милосердаго: нельзя ни одного изъ нихъ прочесть, не почувствовавъ умиленія.

Таковы на самомъ дѣлѣ: канонъ покаяненъ — твореніе Іосифово—въ октоихъ, во вторникъ утра, гласъ 1-й;—

*) Acta sanct. ad 4 April.

канонъ животворящему бресту — въ среду утра, гласъ той-же — въ октоихѣ; канонъ святителю Николаю Чудотворцу — въ четвертокъ утра, тамъ же, той-же гласъ, — и остальные каноны въ октоихѣ, надписывающіеся: твореніе Іосифово.

Пр. А. Л.